

Волна облегчения накрыла ее. Наконец-то. И она не теряла ни минуты, а отстранилась и умоляюще посмотрела на него. «Пожалуйста! Сюда!»

На спешном обратном пути она спотыкалась почти на каждом шагу, но какое ей было дело до того, как она выглядит? По пятам за ней следовал спаситель. Только она молилась, чтобы они не опоздали. Даже когда они вышли на улицы гончаров, отчужденность ее жителей была непоколебима, хотя некоторые украдкой бросали беспокойные взгляды на стражников. Он остановился, глядя на них с вниманием.

«Почему ты остановился?» — спросила она. «Это как раз впереди. Почему ты остановился?»

Охранник стоял неподвижно, уперев руки в бока, и продолжал изучать улицы, словно она разговаривала со статуей. Затем он наконец посмотрел на нее странными глазами. «Кто эта женщина, которую вы видели, миссис? Кто-то, кого вы знаете?»

«О, черт возьми, какая разница!» — воскликнула она. «Она просто стояла там, потом они поспорили из-за денег, и он потащил ее...» Она замолчала, ее лицо потемнело. В одно мгновение ее голос стал холодным. «Это потому, что она проститутка?»

Он пожал плечами: «Урегулирование деловых споров не входит в мою компетенцию, миссис. Если можно, обратитесь к лорду».

«Лорд?» — тон ее голоса становился выше с каждым словом. «Он уехал, болван!»

«Ты наглая девчонка», — сказал он, покраснев. И, прищурившись, ткнул в нее пальцем. «Я прощу тебе твою глупость, так что держи язык при себе и беги, слышишь? Не будь обузой!»

«Какой ты рыцарь!» — хотелось ей закричать. «Зачем тебя поставили охранять? Чтобы ты стоял и делал вид, что важен? Чтобы праздно смотреть на изнасилования?»

«Тишина!» — прорычал он. «Ладно, раз ты так этого хочешь? Показывай дорогу, если считаешь, что это того стоит!»

Ее глаза расширились, она не ожидала, что он так легко сдастся. «Конечно... таким образом. Ты определенно обрел кое-какие чувства», — добавила она себе под нос.

Она тут же нырнула в переулок, вспоминая дверь, через которую протащили женщину. Но едва она миновала первый дом, как ее резко остановили. Обернувшись, она вскричала в ужасе: «Что ты делаешь? Отпусти меня».

Но хватка охранника оставалась крепкой, как сталь, когда он тащил ее за переулок. Шумы цивилизации даже тогда отчетливо доносились до них с главной улицы.

Он прижал ее к стене, подчеркивая многочисленные синяки на ее спине. Разъяренная неизмеримой яростью от боли и смятения, она резко подняла лицо, балансируя на бочке, и сверкнула взглядом, готовым убить, с проклятием на губах. Но это длилось лишь долю секунды. В следующую секунду тыльная сторона его ладони ударила ее по лицу, отправив ее в грязную лужу.

«Это за твои манеры». Охранник стоял над ней, уперев руки в бока. «Кто твои родители, девочка?» — рявкнул он. «Я им задам хорошую взбучку. Как только закончу с тобой».

«Как ты смеешь!» Она пристально посмотрела на него со своего места, прижимая грязную руку к щеке, хотя ее тело неудержимо тряслось, и ее уже начал охватывать страх.

«Как я смею?» — он наклонился, его опущенное лицо было так же искажено гневом, как и ее. «Как ты смеешь? Я что, раб? Должен ли я терпеть твои упреки в сторону моей честности на улице?»

«Какая, к черту, честность?» — плюнула она ему в лицо.

Охранник снова взмахнул рукой, с удвоенной силой. Она пошатнулась, ошеломленная. Затем земля ушла из под ног, и она почувствовала, как ее спина ударилась о стену.

Где-то перед ней раздался голос мужчины. «Посмотри на себя. Не так уж ты и грязная, а?» Пальцы впились в ее обветренное лицо. «Но как же ты истекаешь кровью! Я говорю тебе даже шлюх не дают так бить, не без повода».

И вдруг она почувствовала, что задыхается, вонючий запах поднялся к ее ноздрям. Обильное дыхание мужчины пыхтело на ее лице. И затем что-то мокрое прижалось к ее кровоточащей щеке.

Она впала в истерику. Что-то среднее между визгом и криком вырвалось из сжатых губ. Но ужас настигал ее со всех сторон, сейчас и из прошлого, из памяти, из кошмаров. Она теряла рассудок. Она потеряла его. Постоянный, нескончаемый крик пронзил ее разум, разрывая все ее мысли, оставляя только пустой и пульсирующий пейзаж. Весь мир за ставнями ее глаз был тьмой, и ничего там не происходило.

Тогда она совсем потерялась, уплыла. Потом раздался резкий звук. Что-то пронзило завесу ее разума. Голос. «Приказ», — сказал он.

«Что?» — пробормотала она, все еще пребывая в оцепенении. И что-то вторглось в тот момент, когда ее губы раздвинулись. Она ощутила своим раздвоенным языком гнилостное желание, настолько отвратительное, что оно сразу же захлестнуло ее разум. Но голос прозвучал ясно: «Приказ!» И снова он отозвался эхом.

«Приказывай, госпожа! Клянусь моим ядом, освободи себя!»

«Сделай!» — крикнула она, хотя было ли это вслух или внутри ее запутанного разума, она не могла сказать. В тот же миг что-то скользкое закружилось вокруг ее запястья.

«Аргх!»

Внезапно удушающее чувство исчезло. И она прислонилась к стене, ее зрение прояснилось.

Она увидела, как охранник отпрянул в удивлении, разглядывая ряд колотых ран на предплечье. «Ты укусила меня, сука?»

Его укусила маленькая змея. Это она могла сказать. Но она могла сказать также, что мужчина невредим — не тронут, если его еще больше разозлить. Яд, конечно, должен был потерпеть неудачу именно сейчас. Маловероятно, да. Но потерпеть неудачу сейчас. Потерпеть неудачу и бросить ее на произвол судьбы.

Раздался еще один удар. Он прояснил ее разум, так что когда он снова приблизился, ругаясь, она ясно представляла себе, что должно было произойти. Она могла сказать что могла увидеть свою неизбежную судьбу и все. Все. Так что прежде, чем даже звенящий голос ее фамильяра указал на это, она уже осознала свою участь и потянулась к нему.

У нее почти не осталось сил управлять рукой, поэтому это была удача, когда охранник отшатнулся от звука скользящего металла, клинок чисто выскочил из его ножен.

«И что ты с ним сделаешь?» — спросил стражник, устремив взгляд на клинок, который теперь был в руках Корделии.

«Назад!» — пронзительно закричала она. «Назад!»

«Ты положишь это, пока я еще играю хорошо», — прорычал он, делая шаг назад. «Опусти, я сказал!»

Глаза Корделии метнулись. Она прижалась спиной к стене, впереди — мужчина. Справа — тупик, слева — бочка, через которую ей придется перелезть, чтобы выбраться на улицу.

«Я убью тебя», — ее голос дрожал. Ее руки тряслись, когда она держала меч обеими руками. Чудо, что она все еще могла стоять. Даже эта неустойчивая поза с обеими руками, вытянутыми вперед, чтобы держать меч, казалась не выносимой еще несколько секунд.

«Я избавлю тебя от побоев, если ты положишь это прямо сейчас!» — взвыл мужчина. «Я. Сказал. Положи. Это-»

Резко бросив фразу на полпути, мужчина уклонился вправо, застав ее врасплох, и бросился в атаку.

Ее фейские чувства были широко раскрыты и остро настрожены, в отличие от ее мускулов. Она видела, как он двигался, знала, что он быстр, наблюдала, как кулак яростно выбрасывался вперед. Она переместила лезвие.

Слабая и немощная, Корделия не смогла удержать утяжеленную рукоять, она выскользнула из ее рук. Тем не менее, решительная ее атака уничтожила его. Его выпученные глаза уставились на его пронзенную грудь, его рот был покрыт пеной крови.

Из-за ее запястья раздался победный шипящий крик. «Свинья упала на свой собственный клинок! Честное слово, это превосходный трюк!»

А Корделия тем временем смотрела и смотрела. Кровь пропитывала ее руки и юбку. Безжизненный, ливрейный труп обмяк на ней, когда она безмолвно скользнула к подножию стены, ошеломленная, как и прежде, когда ее ударили.

«Госпожа», — сказал Мастема, — «Если вы не собираетесь убедить охрану, что этот человек совершил почетное самоубийство, я настоятельно советую вам немедленно покинуть улицу».

«Я убила его...» — пробормотала она. «Я убила его... ты видел?»

«Ты чертовски права, хозяйка. Это было хорошее убийство, но пройдет немного времени, прежде чем люди придут и начнут расследование».

«Что ты имеешь в виду?» — слабо проговорила она. «Он пытался... он пытался...»

«Изнасиловать тебя, да. И ты убила его. И я бы с удовольствием поздравил тебя с первым убийством в более безопасном месте».

«Стой, я сказал!» — завизжал он, когда она пошевелилась. «Ты убила охранника! Ты отдашь себя в руки закона? В руки товарищей этой свиньи? Чтобы они могли показать тебе, что те мелкие побои и ощупывания, что он только что совершил, — это лишь слабый намек на унижение, которое они могут тебе причинить?»

«Нет... только не снова», — заныла она, наконец вставая на ноги, ее глаза были дикими. «Я должна бежать. Бежать, конечно. Но куда мне бежать?»

Она подумала о брате и сестрой. Они могли бы защитить ее от городской стражи. Ведь такие смертные люди, несомненно, были бы ничем для армии фей. Могли бы. Но сделали бы они это? Разве жители этого города не проигнорировали изнасилование той женщины? Разве они не закрыли глаза, хотя и бродили все на одной улице, даже когда Корделия кричала во весь

голос? И убийство — убийство, конечно, самое тяжкое преступление. Хотя она и не сожалела об этом, кто может сказать, что Деррик не убьет ее на месте за это гнуснейшее деяние? Как она могла доверять им, не зная ни малейшего из законов этого мира? Она: фейри, естественный враг рыцарей! Она должна бежать, куда угодно, только не в эту таверну! И не было никого, кому она могла бы доверять.

Мир, город, казался переполненным людьми, с лицами, с внимательными глазами. Как будто из каждой боковой улицы, из каждого окна, из-под каждой телеги и колеса в любую секунду могли выбежать крестьяне, ища виновника отвратительного убийства. Она нашла городскую стену и прижалась к ней, двигаясь вдоль домов, как испуганная крыса, вздрагивая от каждого звука. Каждый голос, раздавшийся вдалеке, был голосом преследователя, находящего свою цель. Каждый безобидный звук из дома — выхватыванием оружия, чтобы прикончить ее там, где она стояла. Невыносимый ужас накопился до такой степени, что она должна была удивляться, как ее сердце не разорвалось. И она не могла представить себе возможного побега. Конечно, перейти главную улицу было невозможно, потому что ее юбка спереди была пропитана кровью, руки покраснели, а самообладание разорвано в клочья. Она быстро отбросила мысль о побеге через ворота, потому что они тщательно охранялись. Значит, вода? Но эти пятна нельзя было отмыть. Ни за что. Тогда она должна снять юбку. Но как подозрительно она будет выглядеть, если будет полуголой! Тогда она может украсть какую-нибудь одежду. Но ничего не было.

Затем, даже в ее беспокойном состоянии и спутанных мыслях, по ее позвоночнику пробежал холодок. За ней наблюдали. Ощущение гибели почти заморозило ее на месте. Но она резко повернула голову, никого не найдя. Абсолютно никого. И все же страх был реален, более реален, чем все остальное, что она могла чувствовать в данный момент. Она ждала крика «убийство». Его не последовало.

«Наверху», — прошипел Мастема, и в тот же момент что-то шевельнулось.

Крыша.

Тень мелькнула.

Она бросилась в бешеный побег, больше не обращая внимания на осторожность. Кто бы это ни был, он ее видел.

Но она знала, что бежать бесполезно. Не тогда, когда вся городская стража направлялась прямо сейчас к этому месту.

Затем перед ней появился огороженный сад, обращенный к стене. Единственным, что находилось в пределах маленького сада, усыпанного мертвыми листьями, была низкая, но длинная хижина, прислоненная спиной к безоконной стене большого здания. Издалека донесся шум. Она больше не колебалась, толкнув скрипучую калитку в заборе, она не была заперта. Надеясь вопреки всем надеждам, она положила руку на дверь хижины — темную и сырую деревянную дверь. Она тоже не была заперта, и никаких признаков живых и существ не

было слышно изнутри.

Шум становился громче. Затаив глубокий вдох, Корделия проскользнула внутрь — скрип был оглушительным для ее ушей — и она закрыла за собой дверь.

Внутри было темно, слишком темно. Только очертания того, что казалось стойкой и печью, были видны на стене около того места, где она стояла. Но, конечно, никакого движения в темноте. Никто не выдал бы ее местонахождение удивленным криком.

Она простояла там целую вечность, ее сердце билось громче, чем ей хотелось бы. Шум снаружи продолжался некоторое время, хотя она не могла различить ни голоса, ни звука, затем постепенно стих, до такой степени, что она задалась вопросом, не были ли это просто воображение или шум рынка, которые уловили ее перегруженные чувства. Она не хотела выяснять. Идея спрятаться в этой хижине на несколько дней сейчас казалась весьма приятной. Или, по крайней мере, до полуночи...

Послышались шепоты. На этот раз сомнений не было. А затем где-то в темноте раздались шаги, но она все еще не могла уловить никакого движения. Он доносился из-за стены, к которой прислонялась хижина. Теперь, когда ее глаза привыкли к темному интерьеру, она увидела на противоположной стене и дальше справа от себя, до сих пор частично скрытую большим шкафом, дверь.

Мысль спрятаться за шкафом едва успела сформироваться у нее в голове, как дверь открылась.

<http://tl.rulate.ru/book/114908/4476441>